

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ ТОРГОВЛИ НА РУСИ В XII–XV вв.
(НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА)**

© 2014 А. Г. Рагунштейн

*канд. ист. наук,
старший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси,
e-mail: arseniyalfa@mail.ru*

Курский государственный университет

В XII–XV вв. для установления экономических отношений с немецкими городами потребовалось определение правил торговли немецких купцов в Новгороде. Для этого были заключены многочисленные соглашения, гарантировавшие разнообразные торговые привилегии для немецких купцов, в том числе право на собственную торговую контору, хранение товаров, взвешивание, свободную куплю-продажу, кредит. Это позволяет говорить о высоком уровне немецкой торговли в Новгородской республике.

Ключевые слова: Новгород, купцы, торговля, Немецкий двор, Готский двор.

Начиная с XIII столетия в Европе наблюдался бурный рост городов, увеличение населения и, соответственно, рост торговли. Особенно это было заметно на примере северных немецких городов, объединившихся в Ганзейский союз, который являлся крупнейшим транзитером Северной Европы. Начиная с XII в., еще до образования Ганзы, пребывание немецких гостей стало обычным явлением во многих русских городах, в связи с чем встал вопрос о регламентации правил осуществления торговли между иностранными и русскими купцами. Многочисленные договоры, уставы и постановления Ганзейского союза, детально регламентировавшие самые разнообразные аспекты деятельности немецких торговых представительств в Новгороде, создали сложную и нередко запутанную правовую систему. Попытки решения вопросов ее трансформации, эффективности и функционирования вызывали интерес среди исследователей уже в XIX в. [Андреевский 1854; Бережков 1879; Никитский 1883; Мельгунов 1905]. Продолжилось их изучение в историографии советского и российского (после 1991 г.) периодов [Казакова 1949; Казакова 1975; Клейненберг 1973, Клейненберг 1970; Рыбина 1986; Рыбина 2009; Хорошкевич 1963]. В результате была создана общая концепция русско-немецких торговых отношений, однако детализация многих конкретных аспектов до сих пор отсутствует. Настоящая работа посвящена анализу основных правил торговли ганзейцев (хранение товаров, определение их качества, купля-продажа и кредитование) в одном из ведущих экономических центров Руси – Великом Новгороде.

Одним из первых правовых актов, регламентировавших международную торговлю в Новгороде, стал торговый договор 1189–1199 гг. с Готским берегом. Он гарантировал сторонам право свободной торговли: «...ходити новгородцю послу и всякому новгородцю в мир, в Немечьскую землю и на Готский берег; такоже ходити немьчьмь и гтяном в Новгород без паскости, не обидим никымже...» [ПРП 1953: 125]. Открытие свободной торговли создало предпосылки для создания постоянных торговых представительств, где была возможность долговременного хранения привозимых товаров. По мнению Е.А. Рыбиной, Готский двор возник на рубеже XI–XII вв. (до 1117 г.). Немецкий появился немного позднее – около 1192 г. Оба двора

находились на торговой стороне города, в непосредственной близости от Ярославова Дворища – административного центра Великого Новгорода [Рыбина 2009: 51]. Как отмечал М.Н. Бережков, их положение было весьма выгодным, поскольку они были неподалеку от портовых пристаней на Волхове. В непосредственной близости от них располагалась церковь Ивана Предтечи на Опоках, где находился суд тысяцкого, разрешавший конфликты между немцами и местным населением [Бережков 1879: 134].

Большие объемы привозимых в русские земли товаров требовали от немецкого купечества решения вопроса об их размещении и хранении, что нашло отражение в различных редакциях Новгородской скры (устава немецкой общины). Главным местом их хранения являлись церкви Готского и Немецкого дворов. При описании событий, связанных с новгородским пожаром 1217 г., летописец упомянул, что в «... Варязьской божници изгоре товаръ вьсь варязьскый бесщисла...» [НПЛ 1950: 57]. Столь странное место для товаров объясняется тем, что церкви были каменными, что позволяло более или менее надежно сохранять ценные вещи от грабежей и пожаров.

Правила складирования и хранения товаров в немецких торговых конторах регламентировались довольно подробно внутренними уставами купеческих общин. От этого во многом зависела эффективность и быстрота совершения торговых операций. В условиях ограниченного пространства ганзейских представительств рациональное распределение ценного имущества позволяло лучше и надежнее его сохранить. Новгородская скра предписывала в максимально короткий срок после доставки товара на территорию двора разобрать его и передать на хранение. Если же купец не исполнял это требование, то подвергался штрафу [IV скра 1986: 142].

Большое значение имело также правильное хранение товаров. Например, уставом предписывалось полотно и пряжу складировать отдельно от воска или бочек с медью и свинцом. Все они должны были находиться отдельно в строго отведенных местах. Бочки, стоящие в неположенном месте, должны были в обязательном порядке быть перемещены [IV скра 1986: 142–143]. Особо оговаривалось, что все товары должны храниться «под сводами», то есть внутри склада, причем пушнина не должна была лежать на полу, а только на бочках или полках [IV скра 1986: 143]. Единственной запретной территорией для складирования был алтарь. На него было категорически запрещено ставить какие-либо посторонние предметы или разливать какую-либо жидкость, например вино [IV скра 1986: 143]. Наличие подобных правил позволяет предполагать, что в период максимального расцвета Немецкого двора товаров в нем было столько, что возникала реальная опасность осквернения «святая святых». Только бочки с вином могли ставиться у алтаря [IV скра 1986: 143]. Это объяснялось, вероятно, священным характером этого напитка, который использовался в ходе богослужения.

Все купцы в обязательном порядке должны были закончить манипуляции с принадлежавшим им имуществом до субботы, а внесение новых товаров в этот день было категорически запрещено [IV скра 1986: 143]. Это положение можно объяснить необходимостью приготовления церкви для святых таинств, совершаемых на утренней воскресной службе. Хранение товаров в других помещениях было строго ограничено. Купец не мог хранить в своей спальне более одного куска сукна и более сорока шкурок пушных животных [IV скра 1986: 143]. Нарушение любого из вышеуказанных правил влекло за собой стандартный штраф в одну марку.

Не менее строгими были правила противопожарной и общей безопасности на территории немецких контор. В XII–XV вв. Немецкий и Готский дворы горели в ходе крупных городских пожаров не менее семи раз. В четырех случаях это заканчивалось грабежами и убийствами. Одним из первых подобных примеров явились события 1299 г. Источником возгорания, судя по новгородским летописям, был именно Немецкий двор: «И вержеся огонь из Немечского двора в Неревьскый конець.... И тако

створися пагуба велика; и тако бо на свете Богъ и добрии люди уяша; а злеи человеци падоша на грабежи: что в церквахъ, а то все розграбиша...» [НПЛ 1950: 329]. В 1311 г. сгорел Готский двор и церковь св. Олафа, и, в очередной раз, пожар сопровождался грабежами [НПЛ 1950: 334]. В ходе большого пожара 1340 г. снова начались грабежи. Многие купцы в Новгороде «... над своим товаромъ побиша, а товаръ [грабители] себе поимаша...», при этом в одной из русских церквей были убиты два сторожа и поп [НПЛ 1950: 351]. Чтобы этого не происходило, для охраны товаров ежедневно, и днем и ночью, выставлялась стража, в которую входили все без исключения купцы. Для этого использовались собаки, которых на ночь спускали с цепей, при этом дозорные должны были следить за тем, чтобы они не нанесли вреда самим обитателям торгового двора [Ш скра 1905: 15; Новгородская скра 1855: 52]

Обязанность выставять стражу лежала на старосте двора. Он лично или один из его помощников должен был сопровождать ночных охранников до дверей церкви. Если сопровождающий уходил ранее, чем были закрыты двери, на него налагался штраф в 1 марку. Без особого разрешения старост нельзя было проникать в церковь после закрытия дверей. Если человек нарушал это правило, и об этом не доносили, то провинившийся сторож также штрафовался [IV скра 1986: 148; Новгородская скра 1855: 52]. Насколько серьезно немцы относились к хранению товара, можно судить по тому, что уклонение от дежурства наказывалось штрафом в 1 марку кун, а за неявку на охрану – в марку серебра [Ш скра 1905: 15; Новгородская скра 1855: 52]. Существовало только одно исключение: согласно III скре несовершеннолетние не могли привлекаться к охране правопорядка [Ш скра 1905: 17].

Сохранение товара было только одной из многочисленных проблем немецких купцов. Значительно сложнее обстояло дело с куплей-продажей (меной) товаров. Пользуясь монопольным правом поставки товаров в русские земли, ганзейцы ввели жесткие правила торговли с русскими. Новгородская скра накладывала определенные ограничения на объем привозимого товара. Никто из купцов под страхом конфискации излишков не мог привозить на Немецкий двор товаров более чем на 1000 марок серебра [Новгородская скра 1855: 91–92; IV скра 1986: 155]. Подобные ограничения не способствовали получению дополнительной прибыли, но заставляли всеми возможными способами увеличивать доходность торговых операций. Для пресечения злоупотреблений скра предписывала придерживаться строгих правил оформления купли-продажи (мены) товаров.

Местом заключения сделок для немецких купцов являлся Немецкий или Готский двор. Но допускать русских в церковь св. Петра было категорически запрещено под страхом штрафа в 10 марок серебра [Ш скра 1905: 10]. Аналогичный запрет касался и посещения русскими подклетов, где хранились товары. Нарушение запрета вело к штрафу в 1 фердинг [IV скра 1986: 148]. Торговля с русскими должна была производиться только в дневное время. Сразу после объявления о закрытии двора, немцы должны были попрощаться со своими русскими клиентами. Если новгородец не покидал двора до того момента, как спускали собак, то повинный в этом немец выплачивал штраф в 1 фердинг [Там же: 149]. Учитывая враждебное окружение, в котором находились в Новгороде немцы, выходя за пределы двора с целью приобретения товара, купец обязательно должен был взять с собой свидетеля, причем им не мог быть родственник, компаньон или слуга. За нарушение этого предписания налагался штраф в 10 марок [Там же: 150]. Таким образом, власти двора старались максимально обезопасить себя и своих современников от возможных претензий со стороны русских клиентов.

Сама сделка представляла собой длительный процесс. Оценка товара, определение его стоимости и объемов поставки товара, условий его транспортировки,

заключение договора – все это требовало многочисленных согласований и времени. Прежде всего, стороны должны были определить качество товара. Это было необходимо для недопущения покупки или продажи некачественного или поддельного товара. Транзитный характер ганзейской торговли, покупка таких вещей и их дальнейшая перепродажа вызывали большие сложности вплоть до полного прекращения торговли, что было крайне губительно для Ганзы.

Первичную оценку качества продаваемого товара проводили представители Немецкого и Готского двора. В IV скре досмотрщики выступают как постоянные чиновники на службе двора [IV скра 1986: 161–162]. Местом осмотра считалась гридница Немецкого двора. В других помещениях это можно было осуществлять лишь с существенными ограничениями. Например, нельзя было осматривать меха в спальне священника, однако это не распространялось на серебро [Там же: 148]. Осмотр немецких товаров за пределами двора был категорически запрещен, причем размеры штрафов за это правонарушение варьировались в зависимости от вида товара. Например, за вынос серебра штраф составлял 10 марок, за все остальные товары – одну марку [Там же: 151]. Аналогичное наказание накладывалось, если немец приносил сукно для осмотра на русский двор или отрезал для этого куски [Там же: 163].

К мехам немцами предъявлялись особые требования: они не должны были быть растянутыми, окрашенными, оципантыми или сшитыми из нескольких шкур. Покупка поддельных мехов каралась их конфискацией и большими штрафами: 10 марок в пользу казны св. Петра и дополнительными выплатами в зависимости от размера приобретенной партии. Если купец приобретал поддельный сорочек (связка мехов, состоявшая из сорока шкур пушных животных), то платил штраф как за тысячу шкур, если десяток, то как за сорочек [Там же: 155]. Таким образом, Ганза пыталась пресечь вывоз некачественных мехов из Руси и их дальнейшую перепродажу в других европейских странах.

О качестве покупаемого у новгородцев воска судили на основе колупания, то есть откалывания небольших кусков. Эти куски немцы, как правило, оставляли себе. Но данный обычай вызвал протесты новгородцев, которые требовали откалывать небольшие куски, а то, что откалывали, возвращать в руки владельца воска. В результате длительных споров в договоре Пскова и Новгорода с Дерптом 1474 г. было зафиксировано правило воск «колупать не помногу, по старине, по крестному целованию» [АЗР 1846: № 69]. Однако значительно больше немецкую сторону волновало то, что в русском воске часто встречались примеси, портившие качество товара. В 1332 г. по приказанию Любека и Готланда был введен крупный штраф за продажу поддельного воска – 50 марок серебром. Кроме того, виновному навсегда запрещалось посещение двора в Новгороде. Если же воск покупался за пределами новгородских земель, то его запрещалось привозить на двор св. Петра, не заплатив предварительно штраф и не получив согласие олдермана двора [Сарториус 1838: 589–590]. Через год в связи с увеличением доли брака в товарах в Новгороде были введены должности надзирателей или браковщиков воска. Впрочем, их полномочия распространялись изначально лишь на поверхностный осмотр воска и вынесение приговора о его качестве [Никитский 1893: 267]. Только олдерманы св. Петра имели право клеймить печатью двора воск, признанный после осмотра хорошим [Сарториус 1838: 590]

Не менее тщательно регламентировалась продажа немецких товаров, и прежде всего кожи, сукна и металлов. В 1327 г. немцам, торговавшим в Новгороде, было указано не ввозить сукон, изготовленных в таких местах, где не было ни местного надзора над их производством, ни особого предписания об их изготовлении. Право ввоза распространялось только на диксмундские, ипрские и лангемаркские сукна,

уложенные по особым правилам и имевшие определенный ворс. Тот же запрет касался и сукна, применяемого для пошивки богослужебных одеяний. Оно должно было быть изготовлено либо в Ахене, либо в Кельне [Сарториус 1838: 590–591]. Если немецкий купец продавал некачественные кожи или неправильно сложенное сукно или холст, его следовало оштрафовать на 10 марок в пользу двора и сжечь этот товар [Новгородская скра 1855: 57, 83–84; III скра 1905: 37].

Для определения качества сукна на Немецком дворе уже в 1332 г. были введены должности браковщиков. В их задачи входило наблюдение за тем, чтобы каждый постав имел навесную печать, а верхняя ткань, являвшаяся оберткой для внутренних слоев, была одного и того же качества. Если оказывалось, что внешнее сукно не соответствует внутреннему, виновный подвергался штрафу в 10 марок серебра, а сама ткань конфисковалась в пользу двора. Кроме того, браковщики должны были следить за размерами поставки, чтобы они соответствовали определенным стандартам [Никитский 1893: 269]. Выносить не проверенные досмотрщиками сукна из церкви также было запрещено под страхом штрафа в 10 марок [IV скра 1986: 150]. Было категорически запрещено оспаривать решение браковщиков. В противном случае на виновного налагался штраф в 10 марок [Там же: 153].

Поскольку эти правила не остановили поток нерегламентированной ткани, в 1348 г. было запрещено ввозить в русские земли сукна, на которых отсутствовали свинцовые печати. Виновный, как и прежде, лишался товара и подвергался штрафу в 10 марок. В 1354 г. было запрещено покупать во Фландрии и ввозить в Россию любые ткани, не имевшие фландрийского происхождения [Сарториус 1838: 618]. Чтобы не быть обманутыми, новгородцы требовали от немецких купцов права тщательного осмотра и обмера покупаемого сукна. Однако в этом желании они сталкивались с прямым противодействием немецких купцов, которые не желали проверки товара до продажи. Интересен тот факт, что правила Ганзейского союза предписывали немцам при покупке суконного товара во Фландрии тщательно следить за его размерами и качеством, однако русским в том же отказывали, ссылаясь на старинные обычаи.

Получение согласия на покупку товара еще не означало, что будет заключено само соглашение. Немецкий гость должен был выждать три дня, прежде чем окончательно оформить сделку и забрать купленный товар. Это было необходимо, чтобы другой купец, если ему приглянулся тот же товар, мог внести встречное предложение. Нарушитель подвергался штрафу в 10 марок [IV скра 1986: 150]. Таким образом, создавались условия для развития торговой конкуренции. После определения всех условий заключения сделки происходил процесс ее оформления. Обе стороны выражали перед свидетелями свое согласие на проведение операции купли-продажи, которое закреплялось рукобитием. Такая форма оформления договора существовала до середины XV в. После, с усложнением торговых операций и увеличением объемов торговли, усиливается потребность в письменном закреплении сделки. Это позволяло быстрее и эффективнее разрешать возникающие в случае нарушения сторонами условий купли-продажи судебные споры. Для фиксации сделок с середины XV в. в немецких конторах появляются маклеры. Их услуги при сделках на сумму более двух рублей были обязательными. Нарушение этого правила каралось штрафом в 10 марок [Клейненберг 1970: 138–140].

После осмотра и получения согласия на приобретение товара начинался следующий этап – взвешивание и обмер. Согласно «Уставу о церковных судах и мерах торговых Всеволода Мстиславовича», в храме св. Софии должны были храниться «мерила торговые»: скалвы воцанные, пуд медовый, гривенка рублевая и локоть иванский [Новгородский устав 1984: 250]. Они считались общими эталонами взвешивания для всех торговых корпораций города. Однако взвешивание товара

производила каждая купеческая община самостоятельно. Аналогичные эталоны веса находились и у иностранных купцов. В Новгороде безмен и гири хранились на Немецком дворе. Их неприкосновенность и целостность была одной из приоритетных задач немецкой администрации, о чем говорит скра, установившая высокий штраф в одну марку за их оставление за пределами церкви [IV скра 1986: 144].

До наших дней дошел торговый устав Новгорода – «Рукописание князя Всеволода», где расписывался процесс взвешивания товара. Оно должно было происходить в притворе церкви св. Иоанна на Опоках в присутствии старост купеческой общины и двух купцов [Рукописание 1984: 263]. Новгородская скра также достаточно подробно описывала правила взвешивания товара. Чаша весов перед взвешиванием должна была находиться на земле. Гири с нее снимать и класть товар следовало осторожно, ожидая пока стрелка не остановится в обойме. Соблюдение этих правил было необходимо, чтобы не допустить обвеса. Интересен тот факт, что немецкий купец, допустивший в отношении себя обвес, подвергался еще и штрафу со стороны администрации Немецкого двора в размере 5 марок серебра [IV скра 1986: 159]. Это было необходимо для того, чтобы стимулировать купцов не допускать злоупотреблений с русской стороны, которая могла бы в случае длительного взвешивания на неправильных весах или неправильными гирями могла изменить традиции взвешивания или весовые нормы.

В русско-немецкой торговле использовались два типа весов – пуд и скалвы. До второй половины XIII в. пуд был единственным орудием взвешивания крупных грузов в торговле русских городов с Западной Европой. В XIII в., по мнению И.Э. Клейненберга, пуд в новгородско-ганзейской торговле был заменен скалвами, трансформировавшись в меру веса [Клейненберг 1973: 141–142]. Взвешивание немецких металлов (меди, олова или свинца) на княжеских весах не допускалось. Штраф за нарушение этого правила составлял одну марку серебра [IV скра 1986: 161]. Таким образом, официальные новгородские власти исключались из процесса взвешивания и товарно-денежных отношений немецких купцов. При покупке немцем золота весовщик получал с каждой гривны ногату, с гривны серебра – две векши. Если немец покупал серебряные сосуды, плата возрастала до ногаты с гривны веса. Интересен тот факт, что если иностранный гость продавал драгоценный металл, весовщик не должен был взимать платы [ПРП. 1953: 66].

Однако в целом процесс взвешивания не вызывал столько споров, сколько вопрос о разнице в мерах и весе. Так, если изначально бочка меда весила один шиффунт, равный 20 лисфунтам, то есть 10 пудам, то в конце XIV в. в бочке стало на 1–2 лисфунта меньше веса. В начале XV в. разница еще более увеличивается и медовая бочка весила уже чуть более 9 пудов, в 1436 г. – 9 пудов, причем тенденция к уменьшению продолжалась в течение всего столетия. Чтобы избежать разницы в весе и сохранить точность расчетов, в 1407 г. новгородцы установили, что крупный товар под страхом штрафа в 50 гривен следует взвешивать только на фунтовых весах. Соль следовало покупать только на вес, а не мешками как раньше, а бочки с медью должны быть наполнены до втулок. Новые правила взвешивания, по мнению А.И. Никитского, были невыгодными для немцев, поскольку, с одной стороны, устраняли возможности махинаций с размерами и весом бочек и мешков, с другой – налагали на купцов обязанности по выплате пошлины за взвешивание товара, от чего они ранее были избавлены [Никитский 1893: 271–273].

В ответ на действия новгородцев немцы ввели запрет на торговлю своими товарами с предварительным взвешиванием. Это, в свою очередь, привело к потерям русских купцов и их жалобам на недовесы с немецкой стороны. В 1333 г. купцам было запрещено взвешивать на княжеских весах медь, олово или свинец, продаваемые

русским. С виновного взыскивался штраф в марку серебра [Сарториус 1838: 591]. Данное постановление должно было обеспечить безопасность при взвешивании продаваемых немцами товаров и ликвидировать споры о весе их товаров. Следует особо отметить, что в XII–XV вв. полностью погасить эти противоречия так и не удалось.

Взвешивание товара было конечной стадией сделки, после чего происходил обмен одного товара на другой или на деньги. Сложность во взаимных расчетах возникала при оценке стоимости. Поскольку правила Ганзы предписывали немцам торговать исключительно на основе мены, было сложно определить соотношение цены покупаемых вещей. Именно поэтому, вероятно, использовался простой способ: цены на русские и немецкие товары определялись в новгородских рублях или иной монете, а затем, когда стороны сходились в стоимости, происходил эквивалентный обмен. Это, конечно, чрезвычайно затрудняло торговлю. До XV в. большинство сделок купли-продажи заключались устно, поэтому достаточно сложно определить, насколько четко соблюдались ганзейские правила. Это позволяет предположить, что в ряде случаев и немецкие и русские купцы обходили их, прибегая к прямой покупке товаров [Бережков 1879: 144].

Единого мнения на счет применения наличных денег в русско-немецких торговых расчетах нет. Так, М.Н. Бережков полагал, что ганзейским купцам разрешалось торговать с русскими на деньги [Бережков 1879: 144]. Однако А.И. Никитский высказал прямо противоположную мысль об исключительно меновом характере торговли с Западом [Никитский 1893: 151]. В целом той же точки зрения придерживался и И.Э. Клейненберг [Клейненберг 1970: 132–133]. Следует отметить, что использование денег в торговых операциях до начала XV в., действительно, маловероятно. Однако летописи сообщают о том, что в 1410 г. новгородцы начали торговать с применением литовских грошей и немецких артигов, а в 1420 г. началась собственная чеканка монеты, продолжавшаяся 9 лет [НПЛ 1950: 412]. В.Л. Янин на основе нумизматических данных сделал вывод о том, что новгородский рубль весом в 170,1 г серебра был равен 216 ливонским артигам и 648 «любекским» [Янин 1979: 256–257]. Косвенным свидетельством использования денег в торговых операциях может служить клад ливонских монет, найденный в 1979 г. в Новгороде в слое 1412–1419 гг. Из 28 монет 27 были отчеканены в ливонских землях и еще одна – в Дании. На основе полученных данных А.И. Молвыгин и В.Л. Янин сделали вывод, что этот клад явился следствием торговой операции новгородца с немецким купцом [Молвыгин 1982: 327]. Это косвенно подтверждает предположение о том, что уже в начале XV в. в русско-немецкой торговле могли использоваться монеты для покупки товаров.

Как уже говорилось выше, местом обмена мог быть только Немецкий или Готский дворы. Сначала следовало полностью принять русский товар, а затем выдать немецкий. Правила Ганзейского союза требовали, чтобы расчет за приобретенный у русского купца товар производился немедленно. Если это правило нарушал немецкий купец, то он подвергался штрафу в размере одной десятой стоимости товара в пользу общины св. Петра [III скра 1905: 19; IV скра 1986: 150]. После передачи товара русскому покупателю ни один немец не должен был дотрагиваться до покупки под страхом штрафа в 1 марку [IV скра 1986: 149]. Столь странное положение было вызвано необходимостью отвода претензий в подмене товара. Особенно это касалось приобретения небольших по размерам вещей, которые можно было легко подменить, отвлекая покупателя. Вынос товара за границу двора означал окончание операции, и ответственность немецкой общины за него заканчивалась [Там же: 150].

Особые правила касались продажи лошадей. Долгое время она не была регламентирована, однако уже в середине XV в. этот процесс начинает регулироваться

отдельными пунктами русско-немецких соглашений. Так, в мирном договоре ливонских городов с Великим Новгородом и Псковом 1448 г. было установлено, что при покупке коня в Ревеле следовало взять особое свидетельство у представителей администрации города. За оформление договора взималась пошлина в один фердинг. Если же конь умирал или был убит, то нового коня можно было купить в деревне без свидетельства. Однако в таком случае следовало заявить об этом нарвскому фогту и уплатить пошлину в один фердинг. Если же конь был краденым, то фогт имел право его конфисковать, заплатив его стоимость купцу. Конфискация без компенсации затрат запрещалась. Если купец не проезжал через Нарву и не предъявлял коня с купчей, а впоследствии его крали, то претензии к немецкой стороне он предъявить не мог [ЧОИДР 1900: 4]. Схожие нормы содержались и в договоре Новгорода и Ливонского ордена 1481 г., однако в них было внесено изменение, запрещавшее конфисковать краденое животное [АЗР 1846: № 75].

Вероятно, случаи кражи лошадей на псковско-ливонском приграничье для дальнейшей перепродажи не были редкостью. Сохранилась жалоба 1487 г., в которой псковские власти обращались в Колывань с просьбой рассудить дело псковичей Ивана и Якова с неким Георгием, которому были проданы кони, а тот заявил, что они были украдены. Псковичи просили колыванских ратманов рассудить дело и наказать Георгия, который на тот момент находился в их городе [Соколовский 2003: 140]. Возможно, поэтому факт установления владельческой принадлежности имущества должны теперь были выяснять немецкие власти при регистрации сделки, а не покупатель на границе.

Поскольку стоимость приобретаемых и продаваемых немцами товаров была довольно крупной, актуальной проблемой русско-немецкой торговли стал кредит. Несмотря на запрет на его использование правилами Ганзейского союза, он был существенным фактором развития обмена в период средневековья в условиях нехватки благородных металлов и денежных средств. Развитие кредитных отношений на Руси впервые получило юридическое закрепление еще в Русской правде, а также Псковской судной грамоте [ПП 1952: 113–114; ППП 1953: 286–324]. Новгородско-ганзейский договор 1269 г. зафиксировал право на торговлю в долг или в рассрочку и поручительство жены за мужа. Если же муж растрачивал или портил немецкий товар, именно немецкому гостю следовало выплатить долг в первую очередь, а затем остальным. Если же должник был несостоятелен, то в холопство отдавали его жену [ГВНиП 1949: № 31]

Свобода кредита сохранялась в русско-ганзейской торговле до конца XIII в. Запрет на его использование в Новгороде ввела вторая редакция скры Немецкого двора, составленная около 1295 г. Затем эти положения неоднократно повторялись на протяжении XIV в. [Хорошкевич 1977: 131]. Например, IV новгородская скра закрепила правило, согласно которому никто не имел права приобретать в Новгороде или брать в долг товар с условием его оплаты в Дерпте или любом другом немецком городе [IV скра 1986: 157]. Ревельский (Таллинский) городской совет в 1402 г. запретил использовать кредит в торговле с русскими гостями. Однако в реальной торговой практике эти запреты, несмотря на санкции в виде конфискации товаров, нарушались.

Деловая переписка русских городов с немецкими XIII–XV вв. заполнена требованиями купцов выплатить долги. Известна грамота начала XV в., в которой новгородские власти требуют, чтобы немецкий гость Иван Мясо возвратил товар или выплатил долг новгородским купцам Фёдору и Есифу. Иван взял товар и уехал в Колывань. Новгородцы потребовали, чтобы его задержали и подвергли суду по крестному целованию. В противном случае новгородские власти угрожали

конфисковать немецкие товары в Новгороде [ЧОИДР 1897: 1, 2]. Схожая ситуация связана с иском XV в. (не позднее 1439 г.) новгородского купца Кузьмы Ларионовича к немцу Ивану Амбуру. Новгородец продал соболей, тройнич и камки в обмен на 10 ластов «молодого», то есть солода, 41 ласт ржи и 3 пуда пшеницы, которые необходимо было погрузить в Колывани на следующий год. Кузьма Ларионович, в соответствии с договором, нанял «лодю» и с доверенным лицом отослал в Колывань для погрузки. Однако Иван отказал в передаче оплаченного товара. Новгородские власти требовали от немецких властей расследования по крестному целованию [ЧОИДР 1897: 2]. Интересен тот факт, что обязательства Ивана Амбура были оформлены при помощи «записной грамоты», что говорит о возможности письменного оформления договора купли-продажи в кредит. И.Э. Клейненберг пришел к выводу о том, что подобные операции для Нарвы были обычным делом, поскольку город не подчинялся ганзейским правилам торговли [Клейненберг 1970: 143]. Состав жалобы показывает, что немецкий купец грубо нарушил скру, не расплатившись за покупку на месте, а, кроме того, отсрочил выплату на год, да еще и с обязательством покупателя самостоятельно доставить купленный товар. Схожий случай произошел в 1426 г.: некий Савва с Васильевского острова жаловался в Нарву, что он купил у одного нарвского жителя соли на 2,5 гривны серебра с отсрочкой поставки, но, когда надо было получать соль, немец сбежал вместе с деньгами [Никитский 1893: 256].

Многочисленные долги и возникавшие вслед за этим жалобы и случаи «рубжежа» (блокады торговли) не могли не привести к окончательному запрету всех кредитных операций. На ганзейском съезде 1423 г. было принято решение, запрещающее всем без исключения ганзейским купцам торговать в кредит с русскими. Впоследствии это решение подтверждалось на съездах 1433, 1435, 1440 и 1442 гг., а также на ряде съездов 60–70 гг. XV в. [Хорошкевич 1977: 133–135].

Помимо товарного кредита, русские и немецкие купцы использовали и денежный кредит. Сохранилась грамота посадника Ивана Александровича, тысяцкого Александра Игнатьевича и всего Великого Новгорода к магистру Рижскому с требованием принудить колыванцев Корта и Инца уплатить 400 рублей. Представители новгородских властей сообщали магистру Рижскому о том, что колыванский посадник Кондрат взял в долг 400 рублей в присутствии новгородских судей и немецких послов. Однако, несмотря на соблюдение всех правил кредитования и признание законности требований как в Новгороде, так и в Риге, наследники Кондрата – Корт и Инц – не выплатили требуемую сумму. Судя по документу, в Новгороде в присутствии немецких представителей (Ивана из Любека, Федора и Инча с Готланда, Тилька из Риги, Иеримия Винка из Юрьева, Григория из Колывани) было проведено расследование и вынесено решение о возврате денег. Власти Новгорода угрожали, что, если долг не будет отдан, в качестве ответной меры эта сумма будет взыскана с находящихся в городе немецких купцов [РИБ 1894: № 2]. Постановка вопроса подобным образом являлась, вне всякого сомнения, формой шантажа. Однако сумма была слишком значительной, чтобы проигнорировать справедливые требования новгородцев. Схожая ситуация изложена и в грамоте рижанам 1463–1465 гг., в которой псковские власти просили рассудить долговые обязательства рижанина Ивана Картавого. Он взял в долг, в присутствии судьи Корта, у купцов Ивана Филимонова и Кузьмы Кренева 20 гривен, однако не отдал его [ГВНиП 1949: № 336].

Таким образом, в течение длительного времени существования ганзейских контор в Новгороде были выработаны сложные правила торговли с немецкими купцами. Детальной регламентации подвергались условия хранения товаров, купли-продажи, кредита. Но, несмотря на жесткие установления, касавшиеся безопасности Немецкого и Готского дворов, это не гарантировало его обитателям и товарам

безопасности от пожаров и грабежей. Следует отметить, что существовавшие нормы торгового права самым жестоким образом карали за их нарушение. Особенно это касалось качества приобретаемых и продаваемых товаров и их взвешивания. Возникавшие в связи с этим конфликты и противоречия так и не удалось полностью устранить вплоть до конца XV в.

Немецкие правила купли-продажи (мены) были довольно архаичными, что существенно тормозило развитие торговых операций и заставляло купцов в обход закона прибегать к приобретению товаров за наличные деньги. Другой существенной проблемой немецкой торговли в Новгороде стал кредит. Несмотря на существовавший запрет на его использование *de jure*, он применялся *de facto*. Однако неисполнение кредитных обязательств довольно часто ставило под вопрос возможность дальнейшего функционирования немецких торговых представительств в Новгороде из-за взаимных финансовых претензий. Тем не менее, несмотря на многочисленные проблемы, правила, выработанные ганзейскими купцами, доказали свою эффективность в контексте средневековой торговли с новгородскими землями.

Библиографический список

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. 1340–1506. СПб.: Тип. П Собственной Е.И.В. канцелярии, 1846. 301 с.

Андреевский И.Е. О правах иностранцев до вступления Ивана III на престол Великого княжества Московского. СПб.: Тип. Якова Трея, 1854. 142 с.

Бережков М.Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1879. 267 с.

Грамота посадника и тысяцкого в Колывань о принуждении Ивана Амбура выдать товар. XV в. // Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1897. № 2. С. 2.

Грамота посадника и тысяцкого новгородских в Колывань об уплате немчином Иваном Мясо долга. Начало XV в. // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1897. № 2. С. 1–2.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

Казакова Н.А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. // Исторические записки. Вып. 28 / под ред. Б.Д. Грекова. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 111–131.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л.: Наука, 1975. 359 с.

Клейненберг И.Э. Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Полоцка (до конца XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. Л.: Наука, 1973. С. 137–152.

Клейненберг И.Э. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. Л.: Наука, 1970. С. 130–150.

Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М.: Издание магазина «Сотрудник школ», 1905. 279 с.

Молвыгин А.И., Янин В.Л. Новгородский клад ливонских монет XV в. // Новгородский сборник / под общ. ред. Б.А. Колчина и В.Л. Янина. М.: Наука, 1982. С. 322–327.

Мирный договор Ливонских городов с Великим Новгородом и Псковом. 1448 г. // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1900. № 3. С. 1–4.

Никитский А.И. Отношения Новгородского владыки к немецкому купечеству по новым данным // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. С. Балышева, 1883. Часть ССХХVIII. С. 1–15.

Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода // Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1893. № 2. С. 229–307.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.

Новгородская скра // Андреевский И. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб.: Тип. Якова Трея, 1855. С. 42–94.

Новгородский устав великого князя Всеволода церковных судах, людях и мерилах торговых // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 тт. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 249–161

Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. Вып. 1. 303 с.

Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. Вып. 2. 442 с.

Рукописание князя Всеволода // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 тт. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 262–226.

Русская историческая библиотека. Т. 15. Сборный. СПб., 1894. 806 с.

Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. 176 с.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.

Сарториус Первоначальное образование и распространение немецкого двора в Новгороде // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. № 3. С. 589–590.

Соколовский В. Белецкий С.В. Псковская грамота XV в. из археологических раскопок в Таллинне // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. М.: МГУП, 2003. С. 138–143

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 365 с.

Хорошкевич А.Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV вв. // История СССР. 1977. № 2. С. 125–140.

Янин В.Л. Из истории формирования новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11. Л.: Наука, 1979. С. 251–259.

III скра // Таль П. Третья новгородская скра. Текст и русский перевод. М.: Университетская тип., 1905. С. 9–41.

IV скра // Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 141–168.

Список сокращений

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией

ГВНиП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов

ПРП – Памятники русского права

РИБ – Русская историческая библиотека

ЧОИДР – Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете